

Г. В. ИВАНОВ

О поэзии Н. Гумилева

«Огненный столп» Н. Гумилева более чем любая из его предыдущих книг полна напряженного стремления вперед по пути полного овладения мастерством поэзии в высшем (и единственном) значении этого слова.

Я помню древнюю молитву мастеров...¹

Так начинается одно из центральных по значению стихотворений «Огненного столпа». Стать мастером — не формы, как любят у нас выражаться, а подлинным мастером поэзии, человеком, которому подвластны все тайны этого труднейшего из искусств, — Гумилев стремится с первых строк своего полудетского «Пути Конквистадоров», и «Огненный столп» красноречивое доказательство того, как много уже было достигнуто поэтом и какие широкие возможности перед ним открывались.

Если мы проследим пройденный Гумилевым творческий путь, мы не найдем на всем его протяжении почти никаких отклонений от раз поставленной цели. Стремление к ней, сначала инстинктивное, с годами делается все более сознательным и волевым. Цель эта — поднять поэзию до уровня религиозного культа, вернуть ей, братающейся в наши дни с беллетристикой и маленьким фельетоном, ту силу, которою Орфей очаровывал даже зверей и камни².

В этом пафос поэзии Гумилева, в этом смысл ее для самого поэта. Читателю, ищущему в стихах только державинского сладкого лимонада или гражданской микстуры (а как близко к 100 % число таких читателей, мы знаем), — эти замыслы казались просто красивой позой. И какой бы литературный успех ни сопровождал Гумилева, в самом этом успехе таилась бы глубокая взаимная рознь — между поэтом, ставящим себе такие задачи, и его пестрой и случайной аудиторией.

Н. Гумилев сознавал это чрезвычайно остро, и вся его критическая, лекционная, студийная работа была целиком направлена на воспитание кадров читателей, способных воспринимать его.

В первых книгах Гумилева: «Пути Конквистадоров», «Романтических цветах» и «Жемчугах» основная идея его творчества уже выражена отчетливо и ясно, но образы, пленяющие поэта, слишком театральны, поза слишком красива и обдуманна, чтобы быть естественной. Богатство мира еще ассоциируется им с богатством в его материальном представлении. Пальмы, жирафы, львы, герои древности, сверхчеловеческие доблести и пороки — заполняют собой страницы первых книг Гумилева. Реакцией против этой безудержной экзотики является «Чужое небо», где голос Гумилева становится много сдержанней, человечней и естественней, нисколько не теряя богатства интонаций. «Колчаном» завершается работа, начатая в «Чужом небе». Повязка окончательно падает с глаз поэта — он видит мир таким, как он есть:

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять³.

В этих строках не только залог полного преодоления эстетизма, но и открытый путь к лирике, до сих пор поэту недоступный.

«Костер», «Фарфоровый павильон», «Африканская поэма», «Мик», «Шатер» — уверенные шаги по пути, намеченному «Чужим небом».

По ним мы можем следить за теми или иными уклонами творчества поэта, но его художественное восприятие остается неизменным.

Возвращаясь к «Огненному столпу», которому суждено было стать последним сборником поэта, можно сказать, что это характернейшая, но вряд ли самая сильная из книг Гумилева. Зная все его творчество, мы знаем, что он почти всегда находил удачное разрешение поставленных себе задач. Аналогия с «Чужим небом» — здесь вполне уместна. Наступление в недоступные еще поэту области было начато в «Чужом небе», но достижения совершенной победы собраны не в нем, а в более отстоявшихся «Колчане» и «Костре». Так и здесь — целый ряд ритмических, композиционных и эйдолологических завоеваний намечается в «Огненном столпе», но вчерне, наспех, в горячке созидания, и поэтому местное значение многих (составляющих ядро сборника) стихотворений не соответствует их самодовлеющей ценности.

